

Müqayisəli ədəbiyyatşünaslıq

Духовно-нравственные и религиозно-философские идеи и размышления, определяющие мировоззрение и творчество Л.Н.Толстого (на основе Дневников писателя)

Аида Фейзуллаева

Доктор филологических наук
E-mail: feyzullayeva1951@mail.ru

Резюме. Тема данной статьи нацеливает нас на поэтапное изучение дневниковых записей Л.Н.Толстого и прежде всего всестороннего развития самого писателя. В целом же духовно-нравственного усовершенствования человека и божеского начала в нем, чему выдающийся мыслитель придавал большое значение. Автор романа “Воскресение”, не раз переделывал и обрабатывал повесть, посвященную им теме нравственного “воскресения” князя Нехлюдова. Как явствует из Дневника писателя, он писал этот роман с перерывами десять лет (1889-1899) в поисках уточнений и углублений основных образов, меняя свое отношение к главным героям. В результате этого повесть о раскаявшемся дворянине превратилась в социально-обличительный роман потрясающей силы и глубины, завоевав себе в скором времени всеобщую мировую признательность, как предыдущие романы Толстого “Война и мир”, “Анна Каренина”.

В Дневниках Толстого особое внимание привлекает кавказская тематика, к которой писатель обращался дважды - в начале в конце своей творческой деятельности. В повести “Хаджи-Мурат” с монументальным историческим образом горца-мусульманина отражены попытки автора взглянуть на жизнь сквозь призму восточной мудрости, выдвигающей на первый план духовную сущность и нравственную чистоту человека.

В статье в сравнительно-сопоставительном ракурсе представляется образ Хаджи-Мурата – высоконравственного человека, в корне отличающегося от героев “Крейцеровой сонаты” – безнравственных и жестоких людей, “живущих в развратном и порочном веке” (выражение Л.Толстого). В целом Дневники Л.Н.Толстого могут быть восприняты как кладезь духовно-нравственных идей, лежащих в основе совершенствования человека и прежде всего разоблачения социально-общественной жизни и пороков общества, воссозданных пером непревзойденного мыслителя.

Ключевые слова: Дневники, романы, кавказская тематика, “Хаджи-Мурат”, божеское начало в человеке, сопоставление и отличие, “Крейцера соната”, непревзойденный мыслитель

История статьи: поступила – 07.05.2024; принято – 27.05.2024

Spiritual-moral values in L.N.Tolstoy's creativity and his religious-philosophical thoughts (*on the basis of writer's Diaries*)

Aida Feyzullayeva

Doctor of Philological Sciences

E-mail: feyzullayeva1951@mail.ru

Abstract. Prominent writer, L.N.Tolstoy's "Diaries" covers the years 1828-1910 and is not inferior to his capacious works; and in "Diaries" is reflected the religious-philosophical and spiritual-moral thoughts and depth analysis of main characters in a way specific to the author.

It is known from Diaries that the theme of spiritual renewal of the hero sets the author thinking a lot. Tolstoy for 10 years (1889-1899) has intermittently referred to his novel "Resurrection" and repeatedly changed his attitude towards the main character of the work, Prince Nekhlyudov and he creates a magnificent work dedicated to the life of a nobleman who regrets his bad behavior; and this work distinguishes by its social-critical power and is at the same level as the author's world-famous novels "War and Peace" and "Anna Karenina". In the diaries, the theme of Caucasus that the writer deals with at the beginning and end of his work attracts attention. Tolstoy who approached life from the point of view of Eastern wisdom in his novel "Hadji Murad" manages to create a monumental historical character of the Muslim hero Hadji Murad. The writer emphasizes spiritual and moral values benefiting from the experience of Eastern philosophy.

In the article the character Hadji Murad distinguished by high spiritual and moral values, is studied in comparative terms with unspiritual and cruel characters of "Cruiser Sonata", in Tolstoy's words, characters living in an immoral and flawed age.

In general, Diaries by L.N.Tolstoy can be viewed as a compendium consisted of thoughts revealing moral values, which are the basis of human spiritual evolution, and flaws in socio-social life.

Keywords: Diaries, novels, the theme of Caucasus, "Hadji Murad", divine beginning in a human, "Cruiser Sonata", a highly moral person, comparison and difference

Article history: received – 07.05.2024; accepted – 27.05.2024

Введение / Introduction

В литературоведческой науке устоялось такое мнение, что Дневники Л.Н.Толстого - неотъемлемая часть его биографии и литературного наследия. Он начал их в 1847 году 18-летним юношей студентом Казанского университета и закончил в 1910 году 82-летним всемирно известным писателем. "Я никогда не имел дневника, потому что не видал никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду судить о ходе этого развития" [1, с.12]. Детство отрочество

будущего писателя, его воспитание и домашнее образование в набожной дворянской семье с аристократическим уклоном и соблюдения семейных традиций и правил жизни заложили основу для дальнейшего духовно-нравственного развития и религиозно-философских размышлений о жизни. "Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мол за любимой матерью, любовь к ней и любовь к богу как-то странно сливались в одно чувство" [2, с.52].

Главная часть / Main part

Долгим и мучительным был путь к Богу Л.Н.Толстого, его поиски божеского начала в

человеке, обретения истинной веры и религии. В "Исповеди", напоминающей рели-

гиозно-философский трактат, читаем: "Сообщенное мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как и в других, с той только разницей, что так как я с 15 лет стал читать философские сочинения, то мое отречение от вероучения очень рано стало сознательным" [1, с.41].

Предельно искренни и впечатлительны признания Л.Толстого: "Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким, как все. Но от чего это происходит? Не согласие ли – отсутствие гармонии в моих способностях, или действительно я чем-нибудь стою выше людей обыкновенных? – Я стар – пора развития или прошла, или проходит; а все меня мучает жажды... – не славы – славы я не хочу и презираю ее; а принимать большое внимание в счастья и пользе людей" (1852 год) [3, с.150].

Толстой, придающий важное значение духовно-нравственному совершенствованию человека, решил заняться расширением своего кругозора. "Две науки точные: математика и нравственное учение. Одно – самое поверхностное, другое – самое глубокое. Точны и несомненны эти науки потому, что у всех людей один и тот же разум, воспринимающий математику, одна и та же духовная природа воспринимающая (учение о жизни) нравственное учение" [4, с.246]. Свообразным введением в мир нравственности воспринимается "Круг чтения", задуманный Л.Толстым, как тщательный отбор фрагментов из художественных произведений, афоризмов, мудрых изречений основателей мировых религий, выдающихся мыслителей стран Запада и Востока. Изучая историю философии, писатель приходит к заключению, что цель жизни человека есть всестороннее развитие человечества [2].

"Душа человеческая есть светильник Бога. Когда же свет этот загорается (а зажигается он только в душе, просвещенной религией), человек становится могущественнейшим существом мира. И это не может быть иначе, потому что действует тогда в нем не его сила, а сила Божья" [4, с.323].

В заграничных газетах появились выдержки из XII главы трактата Л.Толстого

"Царство божие внутри вас" с описанием карательной экспедиции, направляющейся на усмирение крестьян. Это вызвало в русских правительственных кругах озлобление против Толстого. Сведения об этом мы находим в дневниковых записях писателя и примечаниях к ним [4, с.446].

"Служители церкви, – как пишет в своих воспоминаниях и дневниковых записях Толстой, – стремились уничтожить в нем зловерное влияние на веру в церковь, прислуживающей Государю и поддерживающей его политику, надеясь при том на предсмертное покаяние и причастие непреклонного писателя" [4, с.202]. Между тем "непреклонный писатель" с негодованием относящийся к смертной казни – этой жесточайшей меры наказания со стороны правящих органов власти, открыто заявляет, что "нельзя молчать потому, что молчание равносильно участию в преступлении."

"Смертные казни в наше время хороши тем, что явно показывают, что правители – дурные, заблудшие люди, и что поэтому повиноваться им так же вредно и стыдно, как повиноваться атаману разбойничьей шайки" [4, с.295]. Под заголовком "Недельное чтение" помещен рассказ Толстого "Божеское и человеческое", начинающийся так: "Это было в 70-х годах в России, в самый разгар борьбы революционеров с правительством."

В нем изображена сцена смертной казни через повешение кандидата Новороссийского университета Анатолия Светлогуба за участие в заговоре, имеющем целью низвержение существующего правительства" [5, с.138].

Ведь не случайно С.А.Толстая, испугавшись репрессий за резкую критику Толстым русского правительства в его письме о Нобелевской премии просила его смягчить обличения царизма и не "дразнить правительство".

Толстой, придающий важное значение духовно-нравственному развитию человека, считает, что "только человек, сознающий себя духовным существом, может сознавать человеческое достоинство свое и других людей, и только такой человек не унижит ни себя, ни ближнего поступком или поло-

жением, недостойным человека" [5, с.123]. Примечательны аналитические размышления и отношение Толстого к теме недельного чтения с привлечением рассказов "Сила детства" – В.Гюго и "Беглец" А.Чехова с запоминающимися образцами "Круга чтения" писателя-духоведа и тонкого психоаналитика [3].

"Уважай всякого человека, – как пишет Толстой, – но в сто раз больше уважай ребенка и берегись того, чтобы не нарушить девственной чистоты души его" [5, с.16-18].

Яркими образцами неранимого отношения к маленькому герою служат избранные самим писателем эти замечательные рассказы.

Многообразны герои самого Толстого, придающего важное значение "Божескому началу в человеке", что равносильно непротивлению злу.

В "Исповеди" он пишет о мучительном постижении божества в себе: "То я повторял в уме доводы Канта и Шопенгауэра о невозможности доказательства бытия Божия, то я начинал проверять эти доводы и опровергать их...Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его.Так чего же я ищу ещё? – выкрикнул во мне голос – Так вот Он. Он есть то, без чего нельзя жить. Знать Бога и жить – одно и то же. Бог есть жизнь. Живи, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога" [6, с.40, 42]. Верой в Бога одержимы и герои его бессмертных художественных творений – классических романов "Война и Мир", "Анна Каренина" и "Воскресение". "Тяжело раненый в Аустерлицком сражении князь Андрей Болконский, лёжа на спине видит над собою далёкое высокое и вечное небо с бегущими по нем облаками. – Хорошо бы это было, – подумал князь Андрей, взглянув на образок, который с таким чувством и благовением навесила на него сестра, – хорошо бы это было, ежели бы все было так ясно и просто, как оно кажется княжне Марье.

- Как бы счастлив и спокоен я был, ежели бы мог сказать теперь: Господи, помилуй меня!.. Но кому я скажу это? Или сила - неопределенная, непостижимая, к которой я не только не могу обращаться, но которой я не могу выразить словами, – великое все или

ничего, – говорил он сам себе, – или это тот бог, который вот здесь зашит, в этой ладанке, княжной Марьей? Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия чего-то непонятого, но важнейшего!" В избрании автором одноименного романа "Анна Каренина" библейского эпиграфа "Мне отмщение и аз воздам" заключена мысль о неизбежности божьего суда над женщиной, преступившей священные законы нравственности и религии. С помощью этих важных критериев жизни Толстой пытался бороться и с тем социально-общественным злом, которое так беспощадно разоблачается им в романе. Неоднозначным предстает образ князя Нехлюдова в романе "Воскресение" – последнем программном произведении великого писателя.

"Тип из Нехлюдовского круга - хороший тип образованного прививка европейской культуры...", как "ухватисто" (А.Чехов) и метко подмечается в одном из дневниковых записей автора романа (1895).

Толстой часто возвращается к своей Коневской повести (по имени судебного деятеля А.Ф.Кони, который в 1887 году рассказал ему случай из своей судебной практики, легший в основу сюжета будущего романа писателя-реалиста). Он писал его с перерывами десять лет (1889-1899), часто обращаясь к своему творению." (1895 г.) В Ясной поляне. Кончена подмалевка Коневской. (Окончена первая черновая редакция "Воскресения") [4]".

В том же году, как отмечено в примечаниях к дневникам, Толстой посетил Московский окружной суд, где сделал записи для своей Коневской повести (будущего романа "Воскресение"). В процессе работы над романом он посещал Бутырскую тюрьму, судебные заседания, беседовал с тюремными надзирателями, задавал им вопросы, а однажды в жаркий летний день прошел пешком, вместе с арестантами, весь путь от тюрьмы до вокзала, чтобы потом изобразить это страшное шествие в своем романе. Как выявляется на основе дневниковых записей, Толстой много работал над судебными сценами, обобщая и усиливая их обличи-

тельный характер. Возвращался к ней с предчувствием дальнейших успехов в этом деле. В дневнике 1895 года он записывает: "О, как хорошо может выйти Коневская..." И вскоре в том же году (5 ноября 1895 г.) в дневнике писателя появляется знаменательная запись: "...Ясно понял, отчего у меня не идёт "Воскресение". Ложно начато... Я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они не предмет, они- положительное, а то (жизнь господствующих классов – Ред.) – тень, то – отрицательное...Надо начать с нее." Так появилось знаменитое вступление "Воскресения", открывающееся описанием весеннего утра, в которое арестантку Маслову вели из тюрьмы в суд. При таком повороте событий судьба Масловой приобретает важное значение как типичное явление в жизни народа. В окончательной редакции романа возрождение Катюши как результат ее общения с политическими ссыльными, а не воздействия на нее "воскрешшего" Нехлюдова вполне объяснимо. В дневниках Толстого находит отражение характерные для писателя поиски уточнений и углублений основных образов, определяемые им как "подмалевки" (выражение самого писателя). Толстой не раз перерабатывал и обрабатывал повесть, посвященную им теме нравственного "воскресения" дворянина. В дневнике писателя 1897 года записано: "Начал перечитывать "Воскресение" и, дойдя до его решения жениться, с отвращением бросил. Все неверно, выдуманно, слабо... Для того, чтобы понравиться, нужно: попеременно описывать ее и его чувства и жизнь. И положительно и серьезно ее, и отрицательно и с усмешкой его".

В результате такого подхода к своим героям коренным образом изменилось и все дальнейшее содержание произведения.

Небольшая психологическая повесть о раскаявшемся дворянине согласно широкому авторскому замыслу превратилась в социально-обличительный роман потрясающей силы и глубины, завоевав себе в скором времени всеобщую мировую признательность, как и предыдущие романы Толстого.

В обширной и многогранной статье "К истории восприятия романа "Воскресение" в

Японии" читаем: "Эта замечательная книга Л.Н.Толстого обошла весь мир.Но, пожалуй, ни в одной зарубежной стране толстовский роман не оказал такого всеобъемлющего, универсального воздействия на духовную жизнь народа как в Японии... [5]

В стране восходящего солнца "Воскресение" привлекло к себе внимание читателей разного культурного уровня, психологического склада, представителей различных социальных слоев общества – от рикши до членов императорской семьи." Один из известных переводчиков романа Утида Роан выразил несогласие с критиками, ставившими "Воскресение" ниже двух предыдущих романов Толстого "Войны и Мира" и "Анны Карениной".

"В мастерстве изображения тончайших движений человеческой души - писал он, - "Воскресение" не уступает другим произведениям великого писателя, и уже никто не сомневается в том, что этот роман является одним из шедевров мировой литературы XX века...

Роман "Воскресение" попав из России в страну иных культурных традиций, оказал глубокое воздействие на сознание и психику японцев и шире – на духовную культуру целого общества...

Многогранная жизнь, восприятие и оценка "Воскресения" в Японии, несомненно, является одной из самых ярких страниц в биографии и последнего романа Толстого" [7, см. на сайте].

С выходом в свет романов "Война и Мир" (1863-1869) и "Анна Каренина" (1873-1877) Толстой становится известным не только в России, но и за ее пределами. Как известно, важнейшими циклами ранних сочинений Толстого являются кавказские и северокавказские рассказы. В их основе лежат жизненные наблюдения, приобретенные писателем во время его пребывания на Кавказе, а затем в Севастополе в качестве офицера русской армии. Толстой, отличающийся своим честолюбием, мечтал о покорении Кавказа.

В кавказских рассказах писатель-реалист создаёт целую галерею образов солдат-предшественников северокавказских рассказов и "Войны и мира". Очевидно, на Кавказе

и закладывалась основа его будущего романа – эпопеи "Война и мир". Примечательны дневниковые записи кавказского периода жизни и деятельности Л.Толстого в начале 1850-х годов [6, с.127]: "Читая Пушкина и Лермонтова,... я начинаю любить Кавказ... хотя посмертной любовью.

Действительно, хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи - война и свобода." [8, с.127] Будучи очевидцем военных действий в Одессе, Симферополе и Севастополе в период исполнения служебных обязанностей на Кавказе, Толстой с твердым убеждением отмечает, что "Россия или должна пасть или совершенно преобразоваться... Грустное положение и войска и государства" [6, с.134-135].

"Я часа два провел, болтая с ранеными французами и англичанами. Каждый солдат горд своим положением и ценит себя, ибо чувствует себя действительной пружиной в войске. Хорошее оружие, искусство действовать им, молодость, общие понятия о политике и искусствах дают ему сознание своего достоинства.

У нас бессмысленные ученья о носках и хватках, бесполезное оружие, забитость, старость, необразование, дурное содержание и пища убивают в нем последнюю искру гордости и даже дают ему слишком высокое понятие о враге" [8, с.134-135]. Сходные картины можно встретить во всех батальных сценах Толстого начиная с рассказа писателя "Набег" и завершая романом "Война и Мир". Великий писатель, ориентируясь на кавказские произведения своих предшественников, творчески использовал их лучшие достижения. Не случайно в конце своего творческого пути писатель вновь обращается к кавказской тематике, создав повесть "Хаджи-Мурат", в которой также ощущаются отголоски прочтения кавказских произведений 20-30-х годов. В "Хаджи-Мурат"е отражены попытки автора взглянуть на жизнь сквозь призму восточной мудрости. Писатель творчески использовал опыт философии Востока, выдвигающий на первый план духовную сущность человека и нравственную чистоту. Ислам оказался системой

нравственных и религиозных ценностей, полностью соответствующей духовному миру писателя. В Коране ему открылась истина и это изменило его представление о мире человеческом и божественном. Коранические выражения нашли отражение и в повести "Хаджи Мурат". Именно тогда и пробудился у писателя интерес к религии мусульман. Толстой высоко ценит почтительное отношение мусульман к женщине, гостю, к таким чертам характера, как верность, честность, достоинство, мужество.

В описаниях мусульманских ритуалов и обрядов Толстой предстает тонким знатоком мусульманской культуры. В "Хаджи-Мурат"е дано описание ритуала молитвы. Имя Хаджи и чалма поверх папахи означает совершивший Хадж - паломничество в Мекку. Сам он говорит, что "надел чалму для спасения души". Хаджи Мурат живёт по вере и воюет за нее (хазават – священная война); это принцип жизни мужественного и гордого героя, горца-мусульманина. И погибает он, жертвуя собой во имя независимости и свободы горцев – мусульман Кавказа.

Толстому близка дикая и неподвластная, как сама природа, непокорность горца, и одновременно его простота, доброта и открытость. Образ Хадж-Мурата, храброго и отважного наиба Шамиля дан в развитии, в ходе реальных событий, происходящих на фоне исторических процессов, связанных с насильственным завоеванием Кавказа, вторжением русских военных подразделений с целью грабежа и разбоя аулов и селений горцев, а также производящих бесчисленные варварские набеги и рубки леса в угоду своим гнусным замыслам и устремлениям к покорению народов Кавказа [7].

Среди множества впечатлительных сцен повести в особенности запоминаются и эпизоды, связанные с выходом Хаджи-Мурата к русским, что представляется большим событием в истории самого Хаджи-Мурата со смело принятым решением отважного героя. Знаменитый своими подвигами наиб Шамиля произвел на предводителей русского общества, представителей государственной власти, прежде всего князя Воронцова и других приближенных царя неожиданное

впечатление, вызвав большой интерес своим появлением в русском обществе и переходом на сторону врага. ...В Нухе Хадж-Мурату был отведен небольшой дом в пять комнат, недалеко от мечети и ханского дворца. В том же доме жили приставленные к нему офицеры и переводчик и его нукеры. Жизнь Хадж-Мурата проходила в ожидании и приеме лазутчиков из гор и в разрешенных ему прогулки верхом по окрестностям Нухи... Он знал, что думает теперь в последний раз, и необходимо решение: "Остаться здесь? Покорить русскому царю Кавказ, заслужить славу, чины, богатство?" Это можно, – думал он, вспоминая про свои свидания с Воронцовым и лестные слова старого князя. "Но надо сейчас решить, а то он погубит семью". Всю ночь Хаджи-Мурат не спал и думал... И решение, принятое им, определило трагическую участь непреклонного борца".

Хаджи-Мурату, соблюдающему исламское вероисповедание и следующему магометанским требованиям, очень нравилась горская песня, связанная со смертью джигита и завершающаяся словами "мое тело возмёт земля, но душу примет небо". Его тело приняла земля Азербайджана как доблестного сына, бесстрашного и непокорного горца, ставшего символом и воплощением свободолюбивого духа народов Кавказа. "Не даёт мне покоя образ Хаджи-Мурата" – пишет Л.Толстой. И это неслучайно. Над повестью "Хаджи-Мурат" писатель работал с перерывами восемь лет (1896-1904). В то же время беспокойство автора вполне объяснимо. Ведь его герой был образцом высоко-нравственного человека, чего лишены герои "Крейцеровой сонаты" – безнравственные и жестокие люди, живущие в "развратном и порочном веке", по определению самого автора. "Осуждая развращенность господствующих классов Толстой показал, что она является следствием их внутренней опустошенности, паразитического существования

уродливости сложившихся отношений" [10, с.490]. Такова оценка советского литературоведа, пишущего в пределах допустимого и без внимания к Дневникам писателя-классика русской и мировой литературы. Иное впечатление производят дневниковые записи самого Толстого, авторское отношение к своим уникальным творениям, помогающие определить его творческие планы и замыслы, идейно-образные решения и искренние душевные признания." (1889 г.) Творить волю пославшего меня – это моя пища. Какое глубокое и простое значение. Спокойным, всегда удовлетворённым можно быть только, когда целью ставишь не что-либо внешнее, но и исполнение воли пославшего" [8, с.150].

Незадолго до создания этой страшной повести писатель размышлял и думал над характерными особенностями своих будущих героев, предназначав свои целевые установки.

"Крейцерову" сонату читали третьего дня (это было в конце 1889 г.) в домашних условиях (в Ясной Поляне), и я слушал... Давно не испытывал такого подавленного состояния. Испытываю отвращение от всего этого сочинения "Крейцеровой сонаты", где острой критике подвергается автором "развратный, порочный век".

В "Крейцеровой сонате" ставится вопрос о целомудрии – нравственно важный вопрос об отношении к женщине, "как предмету наслаждения, с детства извращенного и похотливого человека с больной психикой – Позднышева – блюстителя чести и достоинства", жестоко и беспощадно расправившегося со своей женой – матерью пяти детей, ставшей жертвой прелюбодеяния. Неслучайно название этой повести, связанной с классической музыкой знаменитой сонаты Бетховена, состоящей из контрастирующих, резко меняющихся аккордов, предвещающих трагическую финальную сцену в одноименном произведении Толстого.

Заклучение / Conclusion

В целом "Дневники" Л.Н.Толстого могут быть восприняты не только как "неотъем-

лемая часть его биографии и литературного наследия", – как пишут учёные, но и как

кладезь духовно-нравственных идей, лежащих в основе совершенствования человека и общества в целом, и прежде всего разоблачения социально-общественной жизни

ни пороков общества, воссозданных пером непревзойдённого мыслителя – "гениального в своем искусстве постигать и изображать действительность (А.И.Шифман).

Литература / References

1. Л.Толстой Собрание сочинений в 22 томах, 21 том. Дневники 1847-1894. Составление и комментарии А.И.Шифмана. – Москва: Худ. лит-ра, 1985.
2. Л.Н.Толстой. Собр. сочинений в 12 томах, 1 том. – Москва: Гос.Изд-во худ. литературы, 1958.
3. Л.Толстой. Дневники (1895-1910). – Москва: Худ. лит-ра, 1985. Собр.соч-ий в 22 томах, 21 том.
4. Л.Толстой. Дневники (1895-1910). 22 том. – Москва: Худ. лит-ра, 1985. Примечания.
5. Л.Толстой. Круг чтения. II том. – Москва: Изд-во политической лит-ры, 1991.
6. См.: Полное собрание сочинений Л.Н.Толстого. Том XV. Под редакцией и с примечаниями П.И.Бирюкова. – Москва, 1913, "Исповедь" (1882).
7. <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/reho-voskresenie-v-yaponii.htm>
8. Л.Толстой. Дневники (1847-1894). – Москва: Худ. лит-ра, 1985.
9. Л.Толстой. Дневники (1895-1910). 22 т. Комментарии.
10. Л.Толстой. Собрание сочинений в 12 томах, 10 т. – Москва: Гос. изд-во Худ. лит-ры, 1958. Примечания Е.Жезловой.

L.N.Tolstoyun yaradıcılığında mənəvi-əxlaqi dəyərlər və onun dini-fəlsəfi görüşləri (*Yazıcının gündəlikləri əsasında*)

Aida Feyzullayeva

Filologiya elmləri doktoru

E-mail: feyzullayeva1951@mail.ru

Анотасија. Дahi yazıçı-mütəfəkkir L.N.Tolstoyun 1828-1910-cu illəri əhatə edən və həcm etibarilə digər irihəcmli əsərlərindən geri qalmayan "Gündəliklər"ində onun dini-fəlsəfi və mənəvi-əxlaqi düşüncələri, həmçinin, yazıçıya xas olan tərzdə əsas surətlərin dərin təhlili öz geniş əksini tapır. Gündəliklərdən məlum olur ki, qəhrəmanın ruhən yenilənməsi mövzusu yazıçını çox düşündürür və "Dirilmə" romanına Tolstoy 10 il ərzində (1889-1899) fasilələrlə müraciət edərək, əsərin baş qəhrəmanı olan knyaz Nexlyudova dəfələrlə öz münasibətini dəyişir və pis əməllərindən pəşman olan zadəganın həyatından bəhs edən kiçik psixoloji povest çərçivələrindən çıxaraq, sosial-tənqidi gücü, dərinliyi ilə seçilən və yazıçının "Hərb və Sülh", "Anna Karenina" kimi dünyaşöhrətli romanları ilə bir sırada duran möhtəşəm bir əsər yaradır. Gündəliklərdə yazıçının yaradıcılığının həm əvvəlində, həm də sonunda müraciət etdiyi Qafqaz mövzusu da diqqəti cəlb edir. "Hacı Murad" povestində həyata Şərq müdrikliyi prizmasından yanaşan Tolstoy, müsəlman dağlı qəhrəman Hacı Muradın monumental tarixi obrazını yaratmağa müvəffəq olur.

Məqalədə yüksək mənəvi əxlaqi keyfiyyətləri ilə seçilən Hacı Murad obrazı "Kreyser sonatası"nın mənəviyyatsız, zalım, Tolstoyun təbirincə desək, "əxlaqsız və qüsurlu bir dövrdə yaşayan" qəhrəmanlarına qarşı qoyulur və müqayisəli şəkildə öyrənilir.

Ümumilikdə, L.N.Tolstoyun Gündəliklərinə insanın mənəvi təkamülünün əsasında duran əxlaqi dəyərlərin və sosial-ictimai həyatın naqisliklərini ifşa edən fikirlərin dahi qələmindən çıxmış bir məcmusu kimi baxmaq olar.

Açar sözlər: Gündəliklər, romanlar, Qafqaz mövzusu, "Hacı Murad", insanda ilahi başlanğıc, "Kreyser sonatası", yüksək mənəviyyətli insan, müqayisə və fərqlilik